

Андрей Юрьев

FOX

дизайн одного лабиринта

Лютинотавр

Андрей Юрьев

Люминотавр

«Издательские решения»

Юрьев А. Г.

Люминотавр / А. Г. Юрьев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743572-1

Выборы властей, выбор любви... История о создании лабиринта, в котором встречаешься со своим истинным Я. История о сплетении жизненных путей кандидатов на управление городом и никому не известных дизайнеров судеб.

ISBN 978-5-44-743572-1

© Юрьев А. Г.
© Издательские решения

Содержание

лабиринт	6
степень секретности	8
распадение времени	9
труднее всего остановиться	11
условности	12
какой-то он странный	14
неужели я не могу рассчитывать?	15
что считать за сегодня?	19
на задание	20
в начале была тьма	23
рассветные	25
услышать о себе красивое	26
степени безопасности	27
в полной темноте	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Люминотавр

Андрей Геннадьевич Юрьев

© Андрей Геннадьевич Юрьев, 2019

ISBN 978-5-4474-3572-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

лабиринт отправление в путь

- Который час?
- До отправления в путь несколько биений сердца.
- Где я?
- В зале ожидания, в комнате сна.
- Разве я здесь по своей воле?
- Воспоминания сданы в камеру хранения.
- Этого не может быть
- Это – есть. Раскрываешь книгу, ищешь среди слов и между строк подобие своего Я, сходство судеб...
- Разве это так?
- Очнись и убедись. Или предпочитаешь пребывать в забытьё?
- Была клетка города, сетка улиц, стена домов. Было одиночество перед скопищем свидетелей моей жизни.
- Что тебе до городов? Что городам до тебя?
- Мне было предложено включиться в игру. Ставка – собственное сердце. Выигрши – новая жизнь.
- В более уютной клетке?
- Не знаю. Мне было предложено выйти в неведомое, неиспытанное.
- Навсегда? Навечно?
- На ближайшее время.
- Что тебе до времени? Что времени до тебя?
- Мне надо немедленно очнуться. Осталось сделать последний шаг. Хочу сделать решающий ход.
- Необходимость или долг?
- Необходимость настоящего. Долг загубленному прошлому. Содействие лучшему будущему
- Стоит ли помогать движению будущего? Ведь его образ неясен. Или тебе известны намерения всех, кто вовлечён в игру? Ты знаешь карты всех путей? Тебе известны все дороги к лучшей жизни?
- Что мне терять, кроме соседей по клетке?
- Ставка – твоё сердце. Что с тобой станет, если оно остановится?
- Что со мной станет, если оно начнёт биться иначе?
- Долг в том, чтобы завершить игру к назначенному сроку? Последний ход, осталось раскрыться, и вдруг – забытьё. Боишься яви? Что у тебя на руках?
- Я смотрюсь в явь, как в зеркало, и за танцующей улыбкой королевского джокера вижу судорогу площадного шута.
- Смущение своей ролью? Смущаешься своим участием в игре? Тебя интересовал выигрши или достоинство роли в игре?
- Я не помню. Я не понимаю. Я не знаю.
- Когда произошло впадение в забытьё? В какое мгновение твоей жизни было пропущено мимо внимания явление странного Нечто, смущающего своим величием, своей низостью?
- Не знаю. Видимо, до сна. Очевидно, вчера.
- Он или Она?
- Это. Это с Ней. Это с Ним. Это с Ними. Всё Это.

– Это так важно? Выигрыш или достоинство? Важно Что, Зачем, Почему, или важно Как?

– Моё имя и есть Каким Образом я живу. Разве Это не так?

– Ты беспокоишься о своём образе. Взволнованность Этим. Совсем не волнуешься о Ней, о Нём, о Них?

– Разве Они волнуются о моей судьбе?

– Разве твой выигрыш достанется Им?

– Разве Она – не моя душа, облекающая мою судьбу в радость?

– Разве Он – не твой дух, пронизывающий твои намерения?

– Разве Вопрос ведёт сквозь жизнь?

– Разве выигрыш в Ответе?

– Это... Игра теней... Свет!

степень секретности

«Всё проходит», – повторяла Она. «Всё возвращается», – настаивал я. Всё снова обернулось в имена и лица.

Первой нахлынула толчея бомков и шлязгов, и Лунин, не выносивший циркачей, поморщился: «Шуты!». Под лязганье оркестровых тарелок на арену выкатился укротитель, щёлкавший телефонным шнуром и гонявший трубки по тумбам аппаратов – пискотрубы отчаянно верещали, но всё же мужественно сигналы на послушно подставленные корпуса – некоторые загибались, другие так и путались в марках и габаритах, блуждая по арене – на привязи... «Смертельный номер!» – проорали глотки, и Лунин, встав с места, нехотя пошёл прямо сквозь купол шатра, сквозь складки покрывала к рывкающей громаде, усеянной кнопками.

– Да! Кто спит? С вами не выспишься.

– Некоторые с женщинами спят, а некоторые с ними бодрствуют. Так кто же не давал тебе уснуть? – прожурчал ручеёк под наклоном головы, и прорисовался рассвет в виде табачного тумана над гладью зеркала, горелых обоев над обуглившейся дверью.

– Извините, я пока не понимаю шуток. Кто вы? – пробормотал Лунин, появившийся в закоптившемся зеркале вполне Луниным, только красноглазым.

– Прекрасно, богатой буду, – попыталась засмеяться оплавленная трубка. – Эльза, кто же ещё?

– Довольно самонадеянно, – протянул Лунин, надавливая на ноющий висок, и лопнул:

– Хватит язвить, я ж не понимаю ничего! Приезжай да посмотри сама! Если не боишься замараться, – вклинил в череду попискиваний, скакавших сквозь чумазию решётку возле уха.

Под порезанной ступнёй хлюпали лужицы. Лунин проследил за отпечатками сапог, прошлёпавших ночью и в кухню, и до дивана, и... Нет. В рабочей погоны не сверкали. Хорошо. И тут же, задёрнув шторы, кинулся выворачивать ящики, проверять карманы. Нет. Нигде никаких записок. Нигде никаких пометок. Пачка шлёпнувшихся на пол радужных бумажек – пачка, перетянутая резинкой – пачка шершавеньких листков с отпечатками единиц и нулей... И что? Ничего примечательного. Что такого примечательно плохого в сбережениях скромного труженика? Что плохого в тысяче долларов? Десять раз по тысяче – десять раз не плохо. Лунин решил, что если бы хотели отомстить, то переломали бы пальцы, или зрение попортили. Хотели бы убить – ... Поджог – так, намёк. *«Вторая степень секретности. По прочтении сжечь. Во избежание реставрации пепел измельчить»*. Про кремацию свидетелей ничего связать не успел, потому что вот она и Эльза.

распадение времени

Эльза вырисовалась в книжном. У стендов отдела «Психология». Андрей, вглядываясь сквозь лупу в контур заглавия: «К-Г-Ю, Я-Б-Ы-Т-Ь», – прошептал: «Слабенько, слабоватенько. Или позолоты пожалели, или пресс не стали мучать», – и обнаружил у правого века помятый манжет с вышивкой: «*Giorgio Armani*». «Позвольте, пожалуйста», – томный колокольчик просил отдать книгу. Это он понял. Чего не понял, так это: «Почему символ «А» выше базовой линии? И кернинг не выдержан...». Буковки скакнули прочь. Лунин усмехнулся вдогонку:

- Не дуйтесь. Это привычка. Профессиональная привычка, то есть навык.
- Неужели?

Не-уже-ли. Ни за что – не за что – за что-то. Никогда – конечно – может быть. Лунину несколько недель хотелось хотя бы «ли», а тем более «уже», тем более, что её «ль-и» ему понравилось, потому что напоминало шрифт...

- Балтика.

Он успел просчитать гибкость сочленений...

- Ближе к Дойчен Готик.

...нашёл узлы перегибов, которые отвечали за стройность всей конструкции, подобрал покровную заливку...

- Медовая настойка на лепестках дурмана.

...и даже подсчитал степени закрытости, динамики, преобразуемости – с некоторой погрешностью, конечно, потому что кривизна надбровных дуг, плотность прилегания слуховых раковин к черепной коробке и тяжесть мочки ещё ничего не говорят о содержимом этой нервной структуры, жадно глядящей на томик Грюнда у него в подрагивающих пальцах.

- Не думаю, Эльза, что вам стоит сразу приниматься за «Распадение времени».

Она и вправду оказалась Эльзой, эта женовидная конструкция, смахивающая на «Я-умляют», хотя нет такого знака ни в одном алфавите, но всё же «Я-умляют» – точёная головка с хищным носиком, невероятно стройные ножки, перетекающие сразу в грудь, и руки, скрещённые руки, стыдливо скрывающие скромную грудь. Я убер аллес, да и только.

– Мой скучающий анатом, – шелестнула она, и Лунин вычитал на раскрывшемся в сумраке памяти листе, что это Ахматова, и даже год издания вот он, и том, и номер страницы, и шрифт, которым набран текст.

В тихой кофейне, где покупатели пролистывали прикупленные новинки, Лунин обставился пирожными, потому что они сладкие, мягкие, оплывающие от жары, и нет этой пронзительной чёткости, беспощадной ясности формы, законченной раз и навсегда, не оставляющей места фантазии, пусть выдумке, но моей, и только моей, а есть плывущее марево наслаждения... На неё почти не смотрел, разве что мельком, и с каждым взглядом и выслушиванием она становилась не столько понятней, сколько известней – теперь уже известной в подробностях пристрастий. «*Armani*» – это так, случайно, ничего стираниго не нашлось, а книги нужны срочно, торопилась к открытию, с нервами нельзя медлить, иначе совсем отомрут, надо скорее, скорее прочитать, почему всё складывается так и только так, почему жизнь такова, какова она есть, и почему всё слишком человеческое, бесхитростное, так терзает, а что? Вышивка неправильная, и рубашка, значит, небрэндовая? Что? Как? Арма... Армия... Впрочем, всё равно, муж неряха, безвкусник, и поделом, пусть носит, и Лунин приосанился, стряхнув с велюрейшего рукава печенные крошки, но глаз всё же не поднимал, и она на мгновение вспыхнула, решив, что этот из базальта высеченный образец молчаливости, заставляющий вздрагивать от редких вопросов: «А какую должность ваш любимый занимает? Как же так? Муж, но нелюбимый? Нет, не удивительно. Так сложилось, или так начиналось?» – да, этот экземплярчик – художник или музыкант, по пальцам видно, он уже вариант? Вспыхнула, решив,

что этот состарившийся мальчишка уставился ей ниже пояса. Терпеть не могу такого отношения! У женщины, помимо именно того самого, есть ещё кое-что заслуживающее, нет, требующее внимания! К чёрту анатомию! Обаяние, вкус, воспитанность, чуткость, то есть интуиция... Лунин что-то такое поделал с губами, перепристраивая их между собой, но не выказывая зубы, и наконец смастерил улыбку:

– Такое впечатление, что вам приходится общаться с ... – но поздно, речь потекла, спешно, – с теми, с кем не хотите общаться. Вы джинсы постоянно носите? Другой ремень просто нуж... не помеш... ааа... извините. Просто другой.

Эльза, спешно вдохнув, отчего ремень провис совсем свободно, еле извлекла из кармашка начатую упаковку «Марвелона», зачем-то протянула Андрею: «А столько хватит? И будет лучше?» – снизу вверх заглядывая в бездонный карий обсидиан. Он заказал ещё кофе, и, разглядывая узор на дне чашки: «Не так важно, ЧТО будет лучше. С КЕМ будет лучше? Не согласны?».

Эльза, так и не решив, стоит ли захихокать над собой, или же лучше нахмуриться и выяснить, что бы сказали об ошибке с таблетками классики психологии, уже вытянула пояс из петличек, узысавысавсунув его в тесную сумочку, и:

– Вот и славно! И сдача останется. Отметим обновку.

«Славно?». Лунин не стал настаивать, что он, дескать, угощал, и с тоской подумал, что вот она выберет сейчас из кошелька всю мелочь, и потом придётся ответить на три невероятно важных запроса-шага её программы сегодняшних развлечений:

– «Распадение времени» – о том, что иногда забываешь о яви, вспоминая о прошлых потрясениях. О том, что впавшие в такое забытьё ведут себя так, словно нет ни «вчера», ни «сегодня», ни «завтра». Словно давно пережитая радость – сейчас, словно бывшая боль – немедленно, словно вся жизнь – повтор одного мгновения. Стоп-кадр, единственная сцена, снятая с бесконечного множества ракурсов. Нет, Грюнд не психолог. Часовщик. И я не психолог. Стилист? Почти. Дизайнер-верстальщик. Логотипы, шрифты, плакаты, листовки, книги, буклеты...

Под ногами уже вычерчивались кирпичики мостовой – какого-то цвета и какой-то гладкости, а он ещё добавил:

– Не совсем то же. Приведение к порядку сочетания линий и образов. Геометрия, логика и учёт психологии потребителя. У меня так. У других, вполне вероятно, иначе, – и спрятал глаза от сверкающего полуденного мира за чёрными стёклами, продолжая представлять комбинации фигур, сливающихся в разные виды дырчатых кожеполос с фурнитурными украшениями.

труднее всего остановиться

За выхватывание книги из рук, тем более не какой-нибудь, а самим Грюндом написанной, Лунин мог бы отчихвостить первопоследними ладами, но красавицам позволительно многое. Он шёл, он переставлял ступни по плоскости в пространстве города, как-то названного на карте. Она приторавливалась к нему, не успевая ухватиться за опять ускользнувший локоть, да что ты! Какой своенравный! Или просто ещё не понял, но, значит, наивный и неопытный, но стоит ли тогда? Но пронизательный ведь, ведь как-то определил имя, нацию, стилист ещё к тому же, ну, почти стилист, так что всё может выйти весьма вкусно, если постараться. Без труда не вытянешь оргазма из... Нет. Таких рифм он, похоже, не потерпит – случайно сорвалось: «естественно», – и пришлось ойкнуть, извиниться, потому что как-то он вот так спотыкнулся сразу. По плоскости в пространстве города, по лентам улиц, иногда задерживались возле витрин, и Андрей, приподняв очки, жутко щурясь, разглядывал контуры надписей на стёклах, и уходил в отрыв, всё он понял, не мальчик, пока она отхохатывалась от встречных знакомых.

Труднее всего было остановиться, встать одному среди вздымающихся к небу пластов кирпича и бетона, и ждать, пока Эльза наконец освободится от нечаянно встреченных, уютительно и нудно, потому что эти дома, окна, фронтоны, шпили, барельефы – всё это видел тысячу раз, они красивы, да, то есть правильно выстроены, скомпонованы, но для меня-то они не привлекательны, вот в чём дело! А на Эльзу, на невысокое неуравновешенное «Я-умляют» смотреть да! Да! Просто больно. Потому что не твоя, а у тебя такой нет, разве что во снах проведает изредка, но после таких снов несколько дней ни одна не нужна. Деньги, деньги, деньги – когда хватит на-лич-нос-ти? А лицо у него никакое, Эльза убыстряла шаг, подлетая к стойкой оловянной фигурке, нет, всё-таки какое-то, ещё ведь мною нецелованное, а надо ускорить процесс, Герман к вечеру вернётся, пропахший костром, рыбой, ага, русалками он пропах, особенно хвостами, куда этот лунник кинулся?

Порозовевший Лунин уже выскочил из музыкального магазинчика, и теперь всё не мог нацеловаться с футляром кассеты: «Это же «Калинов Мост», тут такие строки попадаются!». «Какие?». «Ну, например...

*Вместе мы с тобой, родная, пепел да зола...
Кто поставит крест на могилы нам?».*

«Вместе до смерти», – вздохнула Эльза Эриховна, поймав-таки Андрюшу под локоть. – «Это про публичный дом престарелых?». Он на следующем же шаге – что-ты-чёрт! – выскользнул из локотного кольца. Нет уж, нет уж, Лунин снова все свои грани переповоротил, выстремившись ходячим истуканом. Нет уж, нет уж, бельё с тобой выбирать, конечно, чересчур, но какую-нибудь водолазку вы мне, юноша, поможете заправить. И заправить, и расправить, чтоб ни единой складочки, и длину я выберу почти до...

– То есть, стихи такие нравятся? То есть, это всё-таки встречается, такое исключение из правил, что родны и в одиночестве, и в смерти?

Так, это ни в какие рамки, маленькая арийская бестия даже притопнула, чуть не сломав шпильку, кто это сказал? Это была не я.

Лунин впервые склонился: «Королева снов, ты живёшь в чашечке цветка, под лепестками мака, и кажется, я скоро разомкну твой бутон». Добрались-таки до бутика, приоткрыл стеклянную дверь и сумничал за плечо обомлевшей светоглазке:

– Уверены? Стоит ис-прав-лять красоту королевы?

Станет ли эта золотистая рысь танцевать под мои напевы?

УСЛОВНОСТИ

Всё возвращается, все причудливые сочетания слов, нарядов, прикосновений, всё. Однажды разгаданное построение может повториться, и ставшая хоть чуть-чуть известной, знакомой, не будет подозревать, что она всего лишь танцовщица, скользкая по канату, не ею протянутому к островку удовольствия, над пропастью забытья, хотя... Возможно, все они танцуют только ради танца. Лунин второй раз за встречу склонился, прислушался:

– Положи мою сотку к себе куда-нибудь. И считаешься ею ты, ладно?

Ладно, потому что понятно, потому что раскрашенные молодницы у кассы, в зале, у примерочной – они недоуменно следят за капризной приверединкой, тянущей за собой по мраморному паркету своего бархатистого лунолика – тянет его к стоечкам, где на ценниках нулей побольше, побольше, и на раскрытых ладошках преподносит ему кружевной ажур, переливчатый, воздушное плетение, мне подойдёт? И в примерочной зашторились вдвоём, и Эльза, боясь сорваться с намеченной тропинки, замерла, ожидая от луноваяния, украшенного миндалевидными сверканиями, – ожидая этого, это, это, это, это. И Лунин, отчётливо слыша её сердцебиение, прочертил угасающим касанием ложбинку, принимая в ладонь ровно столько, сколько всегда виделось во снах, сколько может выдержать, не сходя с ума, не оживая, луниновидное изваяние, случайно задевающее подушечкой большого пальца всё ещё сжимающуюся вершинку, в крохотном устье которой набухла вдруг перламутровая капелинка, и всё смутил:

– Здесь разве не туговато? Но выглядит прекрасно.

– Анашпь, – поперхнулась Элиночка, – нет, ничего, как скажешь, – нельзя так! Разалелась, как пионерка, у самой уже старший за полночь является весь в помаде, стервец! Лунин, выходя из кабинки, зачем-то вытянул из-под сердца змеёчатый бумажник. Догнав его у кассы, Эльза хотела прокричать сквозь приливший к векам туман: «От одного касания... короле... испра... перевер... дура, что я несу?!». Но вслух сказалось:

– Ты колдун, да?

– Может быть, да. Может, нет. Смотря что вы считаете волшебством, – двадцатипятилетний наглюк протянул засуевившимся магазинщицам сто зелёных.

Прежде чем выйти на проспект, он ещё в сумерках напялил свои кротовьи кругляки – и что сквозь них видно? – и стоял, сразу выросший, заслонивший всё, буквально всё, и если бы нашёлся невидимый свидетель, то Эльза послала бы свидетеля к чертям, потому что понятно, что хотела сама, но зачем он это сделал? За что такой подарок? Как быть теперь, как быть дальше? Пригодился бы невидимый советчик. Невидимый, а главное – ни с кем на этой планете не знакомый, советчик, что сказать?

– За что такие деньги платят, если не секрет?

– За творческий подход к ремеслу, – отчеканил Андрей Лунин, оклад три тысячи рублей, ООО-ААА-УУУ.

– Разве это творческая работа – вер... шщи... Ну – это?

– Опять уссловности! Слямзить у других – это творчество, да, а своим умом и своими руками создать – чёрная работа, тьфу! А вы попробуйте разработать такой шрифт, по-английски, кстати, character, чтобы он передавал характер тех, кто им будет пользоваться, а?! – и опять вернулся в мир шпильчатых коробок, прозрачных покровов и призрачных устройств.

– Раз-ра-бо-тать? Ой, я в разработках, я в этом ничего не понимаю, но, наверное, надо многое уметь? – Эльза, Эльза с пластиковой пакеткой в руке, Эльза на шумной русской улице в русском шумном городе, Эльза видела перед собой только рекламную надпись над киоском напротив: «Если не сейчас и не здесь, то когда и где?».

– Я не оратор, в русском языке не силен, и часто путаю кисловодское с краснопресненским, знаю... Не осмелюсь даже назвать себя графиком... Не знаю, что другим для этого надо!

Делаю то, что умею! – Лунин, в кои-то веки ощутивший себя Андреем Андреевичем, что-то высчитал на бесциферблатных часах, и:

– Как-нибудь в другой раз. Прощайте.

какой-то он странный

Какой-то он странный. Разработки, умею, характер, попробуйте, по-английски... Психология... Сознание? Менталитет? Вариантов мало. Пока. А может, хватит? В армии не служила, знание философии поверхностное, вот и проблемы с формальными признаками, как Герман говорит. Герман... А может, хватит, как Герман, не пора ли по-другому? Что если чёрт с ними, с формальными признаками? Формы, знаки различия, красота или чудо, палка о двух концах, дисциплина палочная, ага! К чёрту всё! Такого не может быть, чтобы не клюнул. Умею! Дурак! Сейчас бы закатились в кафеику, позвонила бы веркам, и всё как надо – пришли как бы в гости, хозяйка ненароком отлучилась, получили своё, хозяйка вернулась, ушли вчистую. И зачем – он? Сейчас бы почитывала себе про Германа. Почти про Германа. Подходящее к Германику. Потом уела бы. Поласковее бы сразу стал. Разошёлся – мотаётся где ни попадя! А я? Что я про всё это тряпья... про это что буду врать? Присаживайтесь, голубки, присаживайтесь, нет, улетел мой кавалерище. Пиво пейте, пей, золотая, пей. Через пару лет станут бёдра – я могёшь. Подарок, и всё. Известно, за что. За красивые глазки и податливые губки. Все губки, все. Не нравится, милый? Вот и не хами! Как в окопах. Весь день в окопах. Год в окопах. Жизнь в окопах. Смерть – на подмостках. Играть. Что – играть? Все люди играют в игры. Тогда почему он не клюнул? Что-то сделала неправильно? Кому бы стало плохо? Германику? Приедет и храпеть завалится. Девять с половиной русалок. Девять с половиной половинок русалок. Ниже пояса, выше хвоста. То в помаде весь, то в чеише. Вот так экземплярчик! Пиво хорошее. Издалека же видно! Все – люди как люди, а этот – лунный... Оборотень. Мальчишки-молчуны. С языком у них всё в порядке, будьте спокойны! Просто не тратятся попусту. Если не ошибаюсь. И это круто. Как он про мак! Вот именно! Я – опиум. И всё. Пиво замечательное. Дурак. Раз восемь бы, не меньше. Если бы не умолкал. Голос волшебный – как из-под луны. Нет, не потому что похож. Совсем не похож. Имя только, ну и что? Что-то такое вот, в словах не скажешь. На бумагах ставят печати. На разных. Разный цвет, по гладкости, по буквам разные. Но есть один-единственный отпечаток, самый первый. Поставили – и на всю жизнь. А он кобенился, Андрей Евгеньевич! Не могу с малолеткой, не могу! Я бы задыхнулась от кайфа, дурень! Любимый – и первый. К чёрту все «почему»! Хочу – и всё! Не ваше дело, почему. Про мак – ммм, как дурман... Хах! Кислое, говорит, с пресным... Мак... Макмаг... Чтобы не задумываться, и чтобы естественно получалось. Умничка! Он ещё придёт. Придёт-придёт, никуда не денется. Так же будет корешки книг разглядывать. Сволочь. Всю дачу апельсинами усыпал и яблоневыми цветами! Садюга! Только чтобы убедиться – да, сдалась девочка, разостлалась по спинкам апельсинов, да, раскрылась вся, вся пустая, выпускаю тебя, навсегда тебя, только тебя. И отослал ведь сразу, гад, на таксюхе, отослал! И потом шарашил со сморщенными шлюхами! Не буду портить малолетку, не буду! Расплылась, корова, от одного касания! Вымя разбухло, тьфу! Давно не доена! Не поена, не крыта, прости, Господи, возмечтала о резвом другой породы! Странный он. Иноходец! Бежать, кобыла, и в бассейн запишишь, чтоб живот сам на место встал, без новомодных ремней. Хотя красивый ремешок. Дизайнер, всё-таки. И подберётся живот. Только кесарево куда девать? Со шрамами-то оно ничего не попишешь. Но приползёт ещё, стервец, приползёт! Головёнкой будет биться, луншико ты моё нежное, и плакать: «Только не оставляй, только не покинь меня!». Пепел да зола! Смотри, вправду опалю... Хватит. Иди и живи. А пиво того стоит. Тридцать рублей. Нет, всё-таки он какой-то странный.

неужели я не могу рассчитывать?

Конечно, он нашёлся. Там же. Почти там же. Эльза Эриховна, зевая спросонья – фу! ха-ха! вот вам, матьюшка, и романтика! – с усмешкой следила, как он, в обтёранных джинсах и потёртой кожанке, покачиваясь и придерживаясь за край прилавка почему-то только двумя пальцами, невнятно диктовал молоденькой торговке список каких-то арифметик, плазматик, бормоглотик...

– Договорились? Недолго торговался! – процедила навстречу ого! Та самая Эльза!

– Здравствуйте-здоровствуйте, – Андрей осторожно сложил на прилавок стопку томатов. – Как подарок? Носится? – и стал отсчитывать купюры. Каждую подолгу разглаживал, кривил губы – карикатура улыбки, из-под пальцев уплывали зелёные, полновесные нолики. – Вот. Пятьдесят. Столько хватит, как вы говорите?

Эльза обернулась, ещё, ещё: никто не видит, никто не смотрит на странную парочку – покупатели как покупатели, ничего необычного, торговому люду некогда отвлекаться, тем более в такую рань – протирают витрины, переставляют ценники. Только охранники стальными, воронёными глазами сорок пятого калибра ненадолго прицеливаются...

– На что? То есть, за что? – Эльза холодные ладони к раскалённым щекам. – Зачем это? Андрей, вздохнув:

– Не «зачем», – стал в заплечную сумку втискивать памятники чужой мудрости, – а «почему». По-че-му. Всё равно ведь вы на это рассчитываете.

– То есть... – Эльза взмахнула перстнёй кистью – плетёные бутончики, чернёная корона на безымянном... Кто тебя короновал? Безымянная тень? *«Гордись, хамло! Теперь твоё лицо под моей печатью»*. Андрей даже не сморгнул – шелестнув страницами, погладив переплёт, укладывал очередной бумажный кирпичик в загробно молчащую сумищу. Another brick in the wall. Ещё один кирпич в стене. Эльза поправила прядь, резанувшую глаза, смахнула слезинку. – За что... – снова непокорные руки скрестила на груди, на стонущем сердце. – Урод! Череп с глазами! – зашагала к выходу, зажав в кулачке деньги, мимо охранника, захлопавшего затвором век. За дверью, за стеклянной вертушкой – оживающий проспект. На остановках зевают, смотрят в никуда, день как титры после снов, кто режиссёр этой бессмыслицы? *«Хватит. Сама себе сценарист. Сама себе режиссёр. Театр одной актрисы? Ну и пусть!»* – Эльза развернулась.

– Как ты смеешь? – и, раскрестив руки, выпоказав из-под расстёгнутого платья то самое, самим же и оплаченное, с ходу вlepила такую пощёчину, что охранник аж поскользнулся, не добежав.

– Я бы пива выпил, – прогудел мутноглазый, отёкший, но после третьего глотка сквозь миндалевидные сошуринки заблестело, хотя вооружённый детина всё ещё надеялся подобраться.

Да, Лунин ожил, и оказалось, что платье-колокольчик этой воинственной немочки держится лишь на двух пуговках, по последней моде, и лепестки его разлетаются как раз над тёмной сердцевинкой тела, хотя не до подглядываний было. Ушибленная мякоть щеки набухла, и Лунин почувствовал, что есть, есть ведь кости, а на них что-то мягкое, чем можно, напряжившись, став витой спиралью, с вихрем подбирающихся сновидений внутри, – можно передвигать этот самый костяк, и сейчас совсем не до красот – как сказал, так и есть.

– Почему вы здесь, и опять в такую рань? – всё плыло, вихрь уже вбирал в себя столики, и радостную Эльзу, и официанта, и охранника, присевшего за спиной, вихрем кружились все эти картинка, зародыши мыслей... Лунин понял только, что она постаралась выглядеть как-то, как ей показалось наилучше чего-то.

– Объяснись, что ты имел в виду, когда говорил про мой расчёт?

«*Это плохо кончится*», – подумал Андрей, если только можно дать имя «мысль» внезапной выюге: *замужняя женищина, службы безопасности, степени секретности, бессонница, безмыслица, расчёт, замужняя женищина, семейные обиды, обугленное сердце, по прочтении сжечь*. Быстро проговорил, отстукивая сигаретой такт:

– Встреча. Знакомство. Мимолётная близость. Подарок. Расставание. Я решил облегчить вам задачу. Пропустим то, что требует рассекречивания сердечных тайн. Пусть будет так – встреча, знакомство, подарок, расставание.

«*Ты посмотришь мне в глаза, в конце-то концов?*» – Эльза хлопнула ладонью по столешнице, столик охнул, скрипнул, Эльза:

– Неужели всё так плохо? – и он, удивлённо выгнув крылья бровей, уставился в зелёное, озёрное, травное бездонье: «*Что плохо?*».

– Неужели я не могу рассчитывать на промежуток между знакомством и подарком? Или у вашего поколения я уже считаюсь старушкой?

«*Ну вот, забил фонтан*», – Андрей полюбовался мерцанием влажных искр за окном. – «*Понесло болтунью. Так я тебе и признался...*». Эльза, не дождавшись ответа:

– Ну я-то ладно, климакс меня дома не заста... Нет. Ой! Ну я-то ладно, а чем тебе не нравится то, что между?

– Между чего?

Эльза расхохоталась: «*Что ж у меня постоянно будто намёки срываются?*»:

– Да, действительно. Боже, что я несу? – и всхлипнула:

– Нет, скажи, что тебе стоит? Поговори со мной. Не надо никаких близостей.

«*Это не я, я не хочу с ней играть, хватит мне пепла, не хочу обугливаться, хватит, это не я!*» – и Андрей с ужасом обнаружил, что пальцы его змеино скользнули по её запястью, к самому локтю:

– Не надо плакать. Откровенничать. Говорить по душам. Вот что я называю близостью. Не надо плакать. Люди смотрят.

– Не смотри на меня, – Эльза, прикрыв глаза ладонью, потянула из сумочки зеркальце и тушь. Еле слышно – голос влажный, как рассветный ветер в росистых лугах:

– Что ты можешь предложить? Искать словарь? Нанимать переводчика? С твоего языка на мой? Какие ещё слова ты по-своему понимаешь?

– О чём вы хотите поговорить? – а пальцы у него горячие, и где скользили, там закипает солнечная река, и огнепад в сердце, и глубже, вниз, сквозь талию, глубже...

– Об одиночестве.

«*Одинокая замужняя красавица*», – ехидно процедил кто-то тёмный внутри, какая-то обратная сторона Лунина, и горячий змей, совсем отскользнув от её руки, потянулся к табачной пачке. Курить, дышать бодрящим ядом, иначе свалишься в сон, сорвёшься в сон прямо посреди города, под ноги пивным столам, под ноги суетливому бармену, подносящему порцию яда, уже кофейного. Пружина мыслей раскачивалась, качалась, не в силах вытолкнуть сквозь губы одно-единственное слово, которое бы... Веки смыкались. «*Тяжёлый сон, придуманный не мной*», – но вслух сказал:

– Разве одиночество – такое уж несчастье?

Надо найти одно-единственное слово, чтобы вошло в неё как серебряная пуля, как капля микстуры, как ключ настройщика, потому что музыка расстроенных нервов режет душу. Не ной, красавица, при мне.

– Конечно. Если всё не так, как хочется – что хорошего? Одиноко.

Когда слушаешь вас с закрытыми глазами – слышишь то, что стоит у вас за спиной – странное Нечто, мелькание смыслов, побуждающее говорить. Почему вы не слышите смысла своих слов? Почему вы так пристально вглядываетесь в обладателей смысла? Человек умрёт, смысл человечности – повторится, вернётся... У меня в сумке – груда ваших книг, что в них?

Истории о том, кто и как себя ведёт в такой-то ситуации. Зачем вы их читаете? Чтобы научиться вести себя подобающим образом? Чтобы что? Чтобы стать счастливыми? Вы коллекционируете рецепты счастья, рецепты избавления от несчастий. И вам не смешно? Мне – страшно. Страшно слушать какофонию расстроенных сердец.

– Счастье – в сердце близких людей?

– Счастье приносят близкие люди. По-настоящему близкие.

– Неужели у вас нет настолько близких? А муж? А дети?

– Муж, дети... При чём тут близость? Я всем им что-то обязана, всем что-то должна.

Они, конечно, радуют изредка. Радость в долг. Ростовщичество. Как в плену у жизни. Как заложница чужих желаний.

– Значит, вам даже в семье одиноко?

– А ты разве не одинок?

– Не задумывался. Может быть, да. Может, нет. Для меня это не имеет значения.

– Что же ты – совсем равнодушен ко всем? Значит, совсем одинок.

– Почему же? Есть друзья.

– Друзья – это всего лишь друзья. А вот любимый человек... Любимый – единственный и неповторимый. Без которого невозможно ни дня прожить. Который как воздух. Как хлеб. А друзья – это лекарство. Или нечто освежающее, бодрящее. Или пьянящее, дающее отдых.

– Хлеб? Любимый? Ни дня? Если каждый день поглощать любимое – скоро приестся.

Может, ваше одиночество – от вашего отношения к любви и дружбе? Вы не допускаете, что надо что-то поменять в себе? Может, не в плену у жизни, а в плену у своих иллюзий? Кстати, хорошо сказали – «за-лож-ница». Все мы... заложники. Заложники языка. Заложники мировоззренческих концепций. Заложники словарей. И переводов – например, с румельского на своеверный.

– Разве ты сам не хочешь развеять свои иллюзии? Зачем тебе столько книг? Столько и таких? Обычно тот, кого всё в жизни устраивает, не торопится ничего менять.

– Странный у нас разговор получается. Менять... Почему так сразу «менять»? Если речь о любви – причем здесь знания? Любить. Познавать. Разве это одно и то же?

– Ничего смешного. Как можно полюбить того, кого не знаешь близко? Если только это не тот, кто твоя идеальная вторая половина.

– Верите, что есть один-единственный, предназначенный вам от рождения?

– Скажу так – я дружу с верой. А ты?

– Я уверен, что настоящая любовь может помочь выбраться из лабиринта заблуждений.

– И есть та, кому ты доверяешь свои блу... Ой! Я хочу кое-что предложить. Все люди играют в игры, знакомо? Весь мир – подмостки, люди – как актеры, это все знают. Давай не будем вымучивать слова? Мне, конечно, интересно, под чьим знаменем ты ходишь, если ты не сам по себе, но мне интересен ты, а не знамя. Тем более – не знаменосец. Так она есть, та, кому ты доверяешь?

Андрей с трудом разлепил веки:

– Есть. Моя надежда на выход из лабиринта. Вы.

Эльза рассмеялась, в душе цветочный дождь, как волшебное, только... Что он имеет в виду? Только приготовилась высказать всё, что придумала за два дня и две ночи, но он заказал тройной кофе, значит... Что это значит? Почему он не выспался? А главное – с кем он не выспался?

– Я работал всю ночь, – соврал. Не только ночь. И вдруг всё прояснилось, вихрь отпустил. По улицам уже спешили: кто вправо, кто влево, – по угловатым, перекрёстным, переульчатым траекториям, а ему бы только доползти до льняной, прильнувшей, приластившейся простыни, и безо всяких «Мисс Германия-когда-то», у него впереди длинные часы до следующего звонка,

до вызова, глазам надо отдохнуть от цифирьной кутерьмы, и что ему до Германа, катавшего по полу после рассказа о наивном мальчике, сыплющем долларами?

– Так что вы хотите? – Лунин не расслышал, потому что казалось, что какие-то чернецы колоколят в уши и машут перед глазами полами балахонов. Эльза – громче:

– Я бы хотела посоветоваться. Не пойму, что со мной происходит.

Всё возвращается. Плакали на плече, смеялись, вцеловавшись в колени, поднимаясь выше, выше, к логову белой змеи, но паспорт чист. Отметки только о прописке. Вернее, опять чист. Вернее...

– Хотите исповедоваться в женском, слишком женском?

Если бы знала, чего хочу! Просто ты так вот улыбаешься, будто птица отлетает от скалы, и против ветра, всем дождям назло! И так вот гладил меня по руке, как будто сказочный полоз обвивал жгучим ожерельем... И ты как Он, как первый, как последний, этого не может быть, но это есть, как ты всегда во всех них – молчаливый, зовущий – недостижимый.

– Почему только о женском? И о мужском.

– Значит, о человеческом?

– Да, о нашем.

– О нашем? Are we the people? Знакомый мотив? Нет? Пропустим.

Времени прошло достаточно. Через стекло витрины не наблюдалось никаких подсмотрщиков. Все степени безопасности соблюдены. Лунин второпях написал ей номер телефона, извинился, отлучился, вернулся с мокрыми, заглаженными к затылку волосами, почерневшими от влаги, – она вздрогнула: какой-то бледный лунный старик с лицом в кратерах ожогов – он вглядывался сквозь неё, в подкуполье цирка, где наивная танцовщица замерла на призрачной соломинке, – и милый, невыспавшийся, взошедший сощуренными полулуниями, наглец, добавил:

– Завтра. Завтра я свободен.

И поплёлся домой просыпать круги часовых стрелок.

что считать за сегодня?

Назавтра он свободен не был. Почему-то? Потому-то. Потому, что с утра под ухом завещал резаный телефоныш. Андрей хотел придушить визготу подушкой, но каждой тараторке положено последнее слово. Ну, Олег сразу и заявил: «Сэр, надеюсь видеть вас в трезвом уме, и достаточно». И действительно – оказалось достаточно. И ума, и времени на сборы, и денег на такси. «Сэр, мы непременно будем работать», – подтвердил Олег, приподталкивая соскальзывающие очки. «Я готов», – выпалил Андрей, не успев отдышаться, и: «Нет, мы непременно будем работать сегодня», – заверил Олег, запахнув халат и покрепче сжав отяжелевшую рюмку. «Сомневаюсь», – улыбнулся Андрей, перечитав этикетку бутылки, и совсем улыбнулся.

Послезавтра... После чего? После когда? Это смотря что считать за сегодня. «Какой сегодня день?» – просипел Лунин, растирая набухшие веки, обнаруживая перед собой кофейник и тарелочку с ломтиками поджаренного хлеба – поджаренные ломтики, умасленные, чуть солоноватые, – как и пожелал. Предел мечтаний – получать то, что желаешь. После четвёртой чашки свежесваренного «Карте Нуар» повторил: «Какой день-то на дворе?». «До выборов осталось всего три недели», – улыбнулась Лена, выставив на каткий столик кувшинчик с томатным соком, и суп-пюре, и пиалу с бульоном, и тушёный окорочок с картошкой-фри, и ещё немножко тостов, и парочку яблок, конечно. Три недели. Всего. У Лены всё под стать фамилии – Весовая. Всё под стать – и фразы, и походка, и поступки. «Поселяйся у нас. Или ты любишь ночевать в одиночку и впроголодь?» – и подложила на опустевший поднос бутербродов с икрой. Лунин, прицеливаясь – как бы ухватить именно бутерброд, а не его туманного близнеца, Лунин: «Только честно – вы меня работать над проектом пригласили, или так, компанию составить?». «Такие вопросы к Олегу», – Лена хоть когда-нибудь встаёт с постели без улыбки? Этот вопрос, тоже, видимо, к... «А что Олег? Чуть что – Олег! Всем Олега подавай! Олег! Если я Олег, так всё теперь? Компанию составить, говоришь? Проект? А ты видишь разницу между тем и тем?» – и опять Лунину на колени стопка статей, подборка лозунгов, и опять лэптоп не успевает отвечать на стук клавиатуры, и опять Лунину в висок взведённый хронометр.

«Сэр, так вы дадите мне покурить или нет?» – опешил Олег, завидев вереницу верстальщиков, несущихся в кухню с готовыми листовками наперевес. «Три недели», – отозвались, хлопая шлёпанцами, марафонцы, оказавшиеся одним-единственным Луниным. Андрей, выглотив стакан кофе: «А новый губернатор мне лично не нужен». «А я думал, ты ради денег стараешься», – и Олег подтолкнул пачку «Парламента»: «Кури-кури, не стесняйся». «Спасибо. „Двадцать первый век“ ближе по вку... кхм», – и захлопал по карманам в поисках спичинёшки, не взглянув на мерцающую вокруг платиновой пепельницы россыпь «Зиппо». – «Мой гонорар по мне ещё не плачет?».

На стол юркнула зеленоватая бумаженция. Следом слетела не такая яркая, но всё же близняшка. Рядышком пристроилась сразу тройня. Потеснив сестричек, томно разлеглась ещё одна. Пока шелестела ещё какая-то по счёту, Лунин успел подумать, что одним «достаточно» явно не обойтись. На очередной купюрище портрет президента Штатов был каким-то обомлевшим. Да – обомлевший: «Если столько выделяют мне, сколько платят ему?» – и после усмешки Олега: «Немного. Шесть тысяч в месяц», – Лунин засёк по секундомеру приход купюры-аутсайдера – ровно тридцать десятков. Олег сгрёб листовки – макеты плакатов, зовущих к лучшей жизни, вечная дорога, – макеты, которые могли бы и на выставку плакатного искусства попасть! – и ведь на каждом в уголке красуется алое полулуние и «АЛ!» – и накрыл кипой листовок помойное ведро.

Зажужжал сотовик, и Олег, похлопав по плечу сгорбленного зеленолицего пустоглаза, прокричал в трубку: «Выслушать настоящее задание он готов, это точно. Выезжай».

на задание

«Выезд на задание», – так и сказал. Лунин только-только отстранился от монитора, чтобы прищуриться, чтобы ещё раз выверить толщину и цветность линий логотипа: «Нефть-Финансы-Капитал» – капля, перетекающая в монету – жидкое золото, чёрное золото, текучее золото, капающее золото – проще простого, на поиск графической идеи ушло секунд пятнадцать, но вот вырисовать! И только-только решил слегка утяжелить монетную округлость капли, как пришлось вытянуться перед Молчалиным: «Я...». «Подойдите к телефону», – но трезвон и не вздумал взвякнуть. «Подойдите, говорю вам», – и вислотрубый пустобрёх раскатился повизгиваньем, стоило только прикоснуться к бурому боку. «Лунь-ин?» – не то мурлыкнула, не то гавкнула пустота. «Я», – не новость, у него и в паспорте так написано. «У вас выезд на задание», – сообщил мурлай. Лунин оглянулся: «Кто это?». Молчалин, хоть и был поставлен на должность самим губернатором, старательно оправдывал фамилию. Оператор компьютерного цеха, стесняясь повернуться к директору спиной: «Но...». «Что значит «но»?» – удивился гул. – «Ваше начальство рекомендовало вас как более сообразительного человека. Выезжайте». «Делайте, что вам говорят», – подал Молчалин записку с адресом, – «потом спасибо скажете. Если останется, чем говорить», – добавил уже в спину, и: «А что случилось-то? Продолжаем работу!» – и Лунин закатился за горизонт, плотно прикрыв за собою железную дверь. Работа есть работа. На работе нужно совершать действия, приводящие к получению возможно большего заработка, не так ли?

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

День. Улица. Автобусная остановка. Мотор.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Мотор. Сиденье. Плотно прикрытая железная дверь. Ремни безопасности. Автомагнитола. Надсадный хрипотняк. Тридцать рублей.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Вечер. Плотно прикрытая железная дверь. Автобусная остановка. Улица. Дом. Дом. Ещё дом. И ещё. Не тот дом. Необходимый дом. Подъезд. Этаж. Квартира. Звонок.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Плотно прикрытая железная дверь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (в чёрном шёлковом халате с золотыми драконами, в очках с позолоченной оправой и в персидских туфлях на босу ногу): Олег. Фамилия у меня смешная, предупреждаю сразу. Золухин. Отчеством горжусь. Алексеевич.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (в чёрных джинсах, в тёмных очках с чёрной пластмассовой оправой и в туфлях «Ленвест» на натёртую ногу): Не более смешно, чем Лунин. Андрей. Андреевич, конечно.

ЗОЛУХИН: Прошу к столу. Чай? Кофе? Пиво? Виски?

Кухня. Стол. Стулья. Холодильник. Шкафчики. Полки. Мойка. Стол. Пепельница. Зажигалки. Бутылка виски «Скотч».

ЛУНИН: Спасибо, Олег Алексеевич. На работе не пью. Больше.

ЗОЛУХИН: Я же сказал, сэр, что отчеством именно горжусь, поэтому не употребляйте имя отца моего всуе. Зовут меня именно Олегом. Я только что именно так вам и сказал. Будьте внимательней, пожалуйста.

Пожалуйста. Четыре комнаты

От входной двери полностью просматривался рабочий кабинет – дверь разохлась, не прикрывается. В кабинете стол. На столе – компьютер-ноутбук. Это тысяча долларов, минимум. Плюс принтер. Лазерный. С режимом сканирования. Это ещё примерно шестьсот. Плюс модемчик чирикал, сообщение по факсу пришло. Это ещё сто или двести. Переманить у Молчалина работника не удавалось даже областной администрации. В области выборы. Кто и откуда хозяин квартиры?

ОЛЕГ: Вы догадались, сэр, какое ведомство я представляю?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК В ПРОТЁРТЫХ НОСКАХ: Ведомство – нет. Чем занимаетесь – да.

ОЛЕГ: Ленище, дай Андрею тапки! Знакомьтесь – моя любимая женщина Лена.

ДЕВУШКА В ЧЁРНОЙ ЖИЛЕТКЕ С ЗОЛОТЫМИ ДРАКОНАМИ: Привет, Андрей. Обуйся, у нас полы холодные.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК В РАЗНЫХ НОСКАХ: Спасибо, я теплокровный.

ДЕВУШКА: Андрей, оставляю Олега под твою ответственность. Суп на плите. Курица в духовке. Чай, кофе, сахар по вкусу.

ОЛЕГ: Ленище, я тебя люблю.

ЛЕНА: Олег, я люблю тебя. Андрей, счастливо.

АНДРЕЙ: Пока. Целоваться не будем.

ОЛЕГ: Хорошо, что не пьёшь. Работы невпроворот. Смотри сюда. Вот газета наших конкурентов, «Слово чести». Завтра весь город должен знать, что эта редакция отпечатала спецвыпуск «Слова чести». Не только знать, но и читать. Понимаешь? Именно «Слова», а не «Слово». Необходимо полностью повторить дизайн. Тексты готовы.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ: Сколько?

ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ: Пятьсот.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ ЛУНИН: И к утру?

ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗОЛУХИН: Вы не поняли, сэр. За страницу пятьсот.

АНДРЕЙ: Курить на рабочем месте можно?

ОЛЕГ: На ра-бо-чем? Нет. Ленище дым в комнатах не любит. Будет готово – разбудишь.

АНДРЕЙ: А...

ОЛЕГ: С такими рекомендациями, как у вас, сэр, без охраны по улице не ходят и вопросов вообще не задают. Успехов в труде. Или всё-таки удачи?

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Ночь. Кофе. Табак. Умелые ручки. Узкие зрачки. Щелканье маятника.

ДЕЙСТВИЕ ШЕСТОЕ

Утро. Та же квартира. Та же кухня

Молодой человек с воспалёнными глазами кладёт на кухонный стол печатные оттиски.

Молодой человек с заспанными глазами кладёт на тот же стол конверт.

Плотно прикрытая железная дверь.

ДЕЙСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Всё то же утро.

Всё тот же город. Всё та же страна

Всё тот же молодой человек в тёмных очках идёт среди построек, телеграфных столбов и рекламных щитов.

Книжный магазин. Отдел «Психология».

Карл Грюнд. «Явь и Забытьё. Распадение времени».

В начале была тьма

- Ты когда-нибудь видела часы без циферблата?
- Видела. Что в них такого особенного?
- Работающие часы без циферблата? Отсчитывающие время без цифирок, без точек отсчёта?
- Ну и что?
- Когда я впервые увидел это, было такое впечатление, как если бы, к примеру, увидел человека с содранной кожей или дышащий скелет. Представляешь? Пританицовывающий скелет.
- Фу! Вя! Так зачем тебе тогда такие часы?
- Как талисман. Или как отличительный знак
- Отличительный от кого? Что ты чем-то отличен от других? Есть желание отличаться?
- Возникает желание внедриться в механизм всего происходящего. Добраться до всех скрытых пружинки и шестерёнок, и...
- И – время станет течь по прямой?
- Станет течь так, как я считаю нужным. События будут происходить в том порядке, который я считаю наилучшим из всех возможных порядков. В том порядке, который устраивает именно меня.
- С чего ты взял, что имеешь на это право? Кто дал тебе право распоряжаться всем происходящим? И с чего ты взял, что знаешь, что лучше?
- Либо я вращаю колесо моей любви, либо зубцы чужой воли рвут меня в клочья.
- Мир невозможен?
- Мир – часы, потраченные на примирение намерений.
- Колесо любви? Колесо, но всё-таки любви?
- Надеюсь.
- Есть те, кто считает: любовь – просто чувство. По-твоему, Любовь – это особый скрытый порядок чувств?
- Уверен.

В начале была тьма – влажная и вязкая. Потом Эльза сгустилась, сверкнула и помчалась между звёздами. Мелкие, как светлячки, притекали к ней, роились вокруг, но Эльзу тянуло вперёд, и потускневшие жизнишки, отслоившись от неё безо всяких скандалов, терялись позади, в шлейфе, и постепенно отставали, растворившись в пустоте... Иногда встречались по-настоящему мощные, величественные – к ним начинало притягивать уже на подлёте, и Эльза понимала, что пройти мимо них ей было просто невозможно, что карта странствия сложилась вместе с её рождением, что вот она включается в кольцо спутников именно этого сатурна именно потому, что в ней именно столько звёздной силы, чтобы не блуждать в одиночестве, но кружить возле надёжного ядра, и Эльза кружила. Но что-то страгивалось, звёзды перестраивались, складывалось новое созвездие, и Эльзу выносило к новому властелину солнечной мощи. Последняя орбита оказалась самой причудливой – однажды Эльза сорвалась вдруг с германической траектории и вдребезги разбила несколько приبلудных астероидок, возмутительно настырных. В другой раз рассеяла пару метеоритных шквалов, угрожавших всему германату – германитной планете, и ей самой, и двум народившимся германятам, и множеству соседствующих планеток. Никто не сказал ей за это спасибо – на громадной планете попросту не заметили её метаний, а германята были слишком малы, чтобы начать выглядывать из-за её

спины на жизненный путь. Эльза потеряла, конечно, в силе сияния, но потом решила, что вела войну за свою собственную орбиту, а такие схватки наградам не подлежат.

Иногда Эльзе случалось пересекаться с весьма чудесными мимолётками, и тогда на планете наслаждались её внезапными вспышками и лучениями, но астрономических расчётов не проводили, а уж тем более не составляли прогнозов и гороскопов – просто жили под светом круглосуточной звезды. Эльза постепенно привыкла к такому отношению планетян, ведь никому из них не стало от её походов труднее жить, а её собственная палитра свечений только богатела, и Эльза боялась уже только одного – остыть, утратить блеск. Германитная галактика продолжала жить, жить, жить рядом с кем-то, с кем-то разлетаться, с кем-то сливаться, и это было надёжно, просто, природно – естественно. Но что-то уже приближалось, стремительно неслось навстречу грозное, пока ещё невидимое Нечто, какое-то Это, и Эльза начала волноваться – сможет ли предотвратить столкновение, сможет ли сойти ненадолго с орбиты, чтобы встретить неведомого противника? Возможно ли это вообще – сойти с орбиты? «Чтобы я-то – и не смогла?» – задохнулась от возмущения Эльза и тут же увидела прямо перед собой лунную поверхность – всю в кратерах, всю в шрамах метеорных атак и почему-то зеркально блистающую.

Луновидная глыбина мчалась по прямой, не утруждая себя обращением вокруг оси – не выставляясь, не красуясь, не подлаживаясь к случайным попутчикам. Эльза с ужасом обнаружила, что её затягивает в лунные кратеры – в них стали мерцать тревожные отражения: вот Эльза, облечённая покровом яблоневого лепестка, Эльза рыдающая, Эльза умоляющая подарить ей радость; вот уже Эльза побледневшая возле ледяного истукана, отказывающегося в наслаждении. Но разве так важно, что кто-то смотрит на нас, что есть свидетели слияния, ведь есть только ты и я, коронованные красотой – я в цвету, и ты, облачённый в непроглядный шёлк, в ресторанной роскоши, что тебе за дело до ухмылки: «Так-так, глубокоуважаемый блюститель закона... Справедливец ты наш! Организация притона азартных игр, соблазнение несовершеннолетней... Запоминающееся открытие личного дела!» – но разве ты способен бояться их, мутных, бесцветных, безразличных, неразличимых? Ты боишься теней, несокрушимый мой? Не может быть, не Это, не верю, где-то есть Она, королева сердца, как ты мог? И вот уже Эльза одна в ресторанной роскоши, во всех ресторациях сразу, с ноготками наизготовку, вечно цветущая Эльза во всех гостиничных номерах сразу; вот Эльза выслушивает сонату «К Элизе», вычитывает «Письмо к Элизе», Эльза, ненавидящая яблони в цвету и все эти навязчивые вёсны; вот уже Эльза, отяжелевшая Эльза, Эльза-В, никаких умляют, Эльза смеётся: «Отчество? У него будет только материнство», – юнгфрау однажды станет просто грюнд, ненавистная старость, кошмар старения, распад времени, смерть убер аллес, Грюнд убер юность, твоя юность теперь у Лунина, твоя старость во власти Лунина, сеющий вёсны стал ненавистной луной, обожаемой луной, и всё вернётся, снова будешь коронована красотой, вот он, заветный светоч, лунышко моё, звезда юности и солнечная буря, и кружиться с тобой в звёздном вихре, – но Эльзу уже потянуло вперёд, увидеть, что там – с обратной стороны Лунина? И вот-вот покажется Это – то, что стоит у него за спиной, что движет им, что гонит его сквозь толчею светил на край вселенной, вот-вот Эльза увидит, что станет со всем германатом после прохождения Лунина сквозь их галактику, – и Эльза завопила, вскочив одна в пустой постели, пустой квартире.

В дверь опять постучали, и Эльза, комета ужаса, прямо так, только что родившись, и открылась на умоляющий стук.

рассветные

– Я здесь не живу, – провьюжила Эльза, – живу не здесь, – Лунину, уже проглядевшему все нотные тетради на столе и добравшемуся до книжного шкафа с заложенными за стекло фотографиями, – не здесь живу, – Андрею, недоверчиво крадущемуся по комнате.

– Я знаю, – вздохнул Лунин, задёрнув последнюю занавесь. – Согрелась?

– Где ты научился, – Эльза почему-то глянула на себя под покрывалом, потом на отвернувшегося Лунина, опять под одеяло, снова на Лунина, листающего ноты, – где?

– Что – где? – отозвался не рискнувший обернуться Лунин.

– Приводить в чувство, – Эльза подоткнула одеяльце под талию, и вычертилось всё, на что Андрей смотреть всё ещё отказывался.

– Приводить... Ты оденешься или нет? – Лунин уж и не знал, за что схватиться – не по ящикам же шарить!

– Ты ведь уже всё увидел? Всю меня увидел? – Эльза подглубила складочку между колен, протянув тканевое ущелье до самого устья, до самой дельты – в это русло можно прекрасно влиться полнолуниными лучами.

– Я видел падающее в обморок тело, – Лунин устался на календарик возле раскрытой сумочки, на даты, обведённые кружками.

– Потрясающе! Не мужчина, а ледокол в штанах, – Эльза защёлкала застёжками, – всё, господин луноход.

Лунин как обернулся – так лучше бы ты и скрывалась под одеялом! Была бы просто туманностью, а так – взошедшее сияние.

– Так чем обязана в столь ранний час? – и вся уже надменная, в вечернем шёлке, усыпанном крохотными звёздочками, с золотым кольцом обручения и серебряными перстнями преклонений.

Заныло под сердцем: «Комета, неизбежная комета», – а промолвилось:

– Это наш час, только наш. Мы вместе – рассветная звезда и месяц.

услышать о себе красивое

- Про мак – это чьё? Кто автор?
- Правду сказать?
- Конечно.
- Не бывает ничего конечного, замкнутого и завершённого. Всё продолжается, возвращается, раскрывается. Во всех реках текут одни и те же потоки. Один-единственный поток.
- Ты можешь просто сказать правду?
- Ты любишь правду или своё представление о правде?
- Перестань. Пропустим. Чьи это были строки? – Мои. Это моё. Импровизация. На ходу придумал. – Так выдумал или я вправду такая?
- А что тебе больше нравится? Что ты любишь? Что ты хочешь услышать?
- Я такая или ты такой? Я или ты?
- Тебе понравилось – услышать о себе нечто красивое? – Конечно. – Пропустим. Разве ты не довольна? – Хочется ещё
- Чтобы тебя считали такой, какой тебе нравится себя считать?
- Ты поэт?
- Я мастер обличий.
- Это ты всю жизнь преследуешь меня?
- Ты всю жизнь несёшь меня под сердцем.

степени безопасности

Это уже не забавно. Эльза аккуратно сложила дужки солнцезащитных очков. Лунин продолжал сиять. Очков не снял.

– Если я расскажу своим веркам, чем я сейчас занималась, меня засмеют.

– Что смешного в том, что мужчина и женщина беседуют начистоту, без лукавства?

Лунин, скрывая улыбку, тихо лучился, глядя, как помрачневшая, хмурая Эльза перебивает чашки, вытряхивает пепельницу: «Степени», – и опять присаживается, берёт сигарету, вскакивает, спички, спички, спички, что ж они всякую сыротень стругают? Зажигает газ, ах, чёрт, нормально, ожога нет: «Безопасности. Степени безопасности». Лунин побледнел. «Степени безопасности, глубина доверия», – уже вскипел? Сахара больше нет, как ты меня нашёл? Существуют адресные столы и полезные знакомства. Он как-то странно неподвижен, и всё время прячет спину, именно прячет, именно спину, и почти не шелохнулся за весь разговор, но куда ни отвернись – всюду его взгляд, до самого донца, аж сжимается всё, и Эльза локотками закрывает маленькую лазейку под вдохом, а в это логовце уже вкрадывается огненное, змеиное, неотклонимое, только не вслух, иначе засмеёт, что за знакомства? Степени безопасности, понятно, с ним не нужно ловчить, ни к чему лукавить, окопы засыпаны, вот чем он хорош, вот чем он кошмарен – его невозможно предугадать. Это мамина квартира, она в отъезде, тоже знаешь? Что ж за знакомства у дизайнера? Неужели президенту особняк проектировал? Однако-однако, и что Герман за новым лауреатством откомандировался? Кто ж за тобой стоит? Что за силы за тобой? Не выпросишь, не вымотришь... Впрочем, есть убойный способ. Придётся танцевать над забытьём. Твоё Нечто – не пропасть. Твоё Нечто ждёт на обратной стороне зари.

В ПОЛНОЙ ТЕМНОТЕ

- Это ты здорово придумал
- Что – это?
- Вот это. Я никогда ни с кем не беседовала в полной темноте. Я тебя совсем не вижу.
- Вообще ничего не вижу.
- Не страшно?
- Нисколько. Непривычно, правда.
- С чего начнём?
- О, Боже! При всех твоих изящностях и тонкостях, при всём твоём глубокомыслии... Ты такой глупый иногда! И даже не вздумай обижаться!
- Я не обижаюсь, что ты! Но всё-таки... Почему же я глупый?
- Потому! Правильно говорят – у женщин логика слабая, а у мужчин её вообще нет.
- Почему?
- Если бы у тебя была логика, ты бы сейчас не спрашивал, почему. Ты глупый, потому что с тобой неважно, с чего начинать. Любое начало оказывается правильным. Любое начало оказывается к месту и ко времени.
- Почему? Потому, что я такой особенный, или потому, что ты так особенно себя чувствуешь?
- Сейчас подумаю... А как мы курить будем?
- Упс! Действительно – как? Курить-то хочется...
- Со страшной силой хочется. А можно ещё и тёмные очки надеть!
- Давай попробуем... Нет, немного не то.
- Почему?
- Я хотел, чтобы темнота была абсолютной. И чтобы мы даже не касались друг друга.
- Чтобы не отвлекаться?
- Да. Чтобы внимание не привязывалось к другим ощущениям и чувствам. Один лишь слух. Одна лишь речь.
- Получается... Вернее, не получается, а... Голоса. То, что внутри.
- Я этого и добивался. То, что из глубины, и ничего лишнего.
- А зачем это надо?
- Вот-вот, «надо»? Держи равнение, даже целуясь. Я не хочу говорить с тобой о том, что «надо». Хочу о том, что «есть». Есть в тебе и во мне.
- Разве ты не хочешь знать, «как» я живу? Разве ты не хочешь знать, что мне действительно надо, а без чего я могу обойтись?
- Я хочу знать, Что живет у тебя в душе и как Это живёт.
- Ладно, пусть так. Но ты же не видишь, волнует меня наш разговор или мне всё равно, о чём говорить, так?
- Вот именно. Не вижу и не могу сделать никаких выводов. Только по интонации. Только по голосу.
- Но интонацию ведь можно подделать?
- Можно. Но зато сейчас невозможно подделать взгляд, улыбку, жест. Получается, что мы как бы сняли маски.
- Ты что же – вправду думаешь, что я перед тобой маскируюсь?
- Не совсем да и не совсем нет. Ты ведёшь себя так, как считаешь нужным вести себя с мужчиной вообще и со мной в частности. У тебя возникают позывы сделать то-то и то-то, но некоторых вещей ты не делаешь, некоторых поступков ты не совершаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.